

Сергей Прокопьев

16+

СТРАДАНИЯ ПАЛАТЫ № 5

А смерть придет - помирать будет

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПРОКОПЬЕВ

Страдания палаты № 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49839812

SelfPub; 2020

Аннотация

Герои повествования – пациенты палаты № 5 отделения трансплантации почек. Они живут в ожидании обретения нового органа, взамен пришедшего в негодность, живут надеждой на полноценное возвращение в среду здоровых людей. Разные по своей сути пациенты объединены смертельной болезнью. Коля-якут ещё вчера был успешным тренером по лыжному спорту. Казах Булат в советском прошлом воин-афганец, в казахском настоящем предприниматель. Игорь из Абакана мечтает вернуться после операции к любимым увлечениям – охоте и рыбалке. Как и все цепляется за жизнь отчаянный пессимист Сараев. Надеется на врачей и милость Божию главный герой повести Павел Колобов. Все находятся у черты земной жизни, все уже заглянули за этот предел, ощутили его холод...

Содержание

Повесть	4
Страдания по Коле-якуту, Булату, Женский день в отделении трансплантации	4
Страдания по Павлу Экспонат от деда	12
Страдания по Коле-якуту Олени, мотоцикл, лыжи	14
Страдания по Павлу Молитва матери	18
Страдания по Булату Под фюрера	22
Страдания по Павлу Нетрадиционное лечение	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Повесть

Страдания по Коле-якуту, Булату, Сараеву, Игорю и Павлу

Женский день в отделении трансплантации

Отделение трансплантации почек накануне 8 Марта соответствовало жестокому романсу: «Стаканчики гранёные упали со стола, упали и разбились, разбилась жизнь моя!» Соответствовала посудой. В ином – нет. Стаканчики не падали, не разлетались на осколки – выполняли прямое своё предназначение: наполнялись, выпивались... Под вечер белые халаты слетелись в ординаторской. Там, как доложил всезнающий Коля-якут, имелась коробка с гранёными стограммовыми стаканчиками. Они давно стали раритетом, промышленность не выпускала подобную посуду, но их любил всеми уважаемый заведующий отделением.

– Золотая рука, – говорил о нём с придыханием Коля-якут.

Коля четвёртый месяц ждал, когда «рука» сделает ему

операцию. Заведующий на празднике не присутствовал, зато его любимая питейная посуда была пущена в ход.

Вскоре из ординаторской начли долетать праздничные звуки: залиvistый женский смех, громкие реплики.

– Мы 8-й Марта тоже на большой палец гуляли, – с тоской сказал Коля-якут собратьям по 5-й палате, которая находилось как раз напротив ординаторской.

В один медицинскому застолью сделалось тесно в стенах ординаторской, белые халаты в радостном возбуждении вышагивали в коридор, пролетали мимо палат с болящими. В один момент дверь ординаторской с треском распахнулась, раздался мужской голос вослед цокающим женским каблучкам:

– Да куда ты уже?

– Замороженный курочку гонять хочет, – сказал Коля-якут, когда забухали по коридору мужские шаги.

– Тогда уж Отмороженный, – поправил смахивающий фигурой на длинную сухую жердь Игорь из Абакана, лицо у него отдавало желтизной. – Как в том анекдоте: курица думает – не слишком ли быстро бегу, петух – не догоню, так согреюсь.

– Совсем обнаглели, – осудил пернатые гонки из своего угла Сараев.

– Молодые, здоровые, – добродушно сказал казах Булат, – пусть гуляют. Как в русской песне:

Я пить буду и гулять буду,
А смерть придёт – подыхать буду!

– Умирать, – поправил Игорь.

– Мне один старик-целитель сказал: всё равно сдохнешь! – не изменил версию поэтической строки Булат.

– Зачем сдохнешь? – возразил Коля-якут, – поперёк бабки яма зачем? Жить надо, плясать надо, курочку гонять надо!

– Плясать он с курочками-дурочками захотел, – заворчал Сараев и отвернулся к стенке. – Тоже мне петух гамбургский!

– Мечтать вредно не будет, – сказал Булат.

Булат был старожилом палаты № 5, срок его пребывания под медицинской крышей подошёл к полугодовому экватору. Игорь из Абакана третий месяц томился, Коля-якут четыре разменял, как и сибиряк Сараев...

Герой нашего повествования Павел Колобов всего пятый день находился в больничных стенах. С доктором Морозкиным, которого Коля-Якут назвал Замороженным, а Игорь – Отмороженным познакомился вчера на процедуре колоноскопии. Соседи по палате иронизировали над доктором, тем не менее считали его профессионалом своего дела, собственно, других в отделении не держали. Это Павел знал ещё до того, как попал в больницу. Однако чеховской интеллигентностью доктор Морозкин не отличался. Было ему лет трид-

цать пять. Широк в плечах, в руках чувствовалась сила.

– Шланг длина полтора метра в тебе вот так, вот так пихай! – просвещал Павла Коля-якут накануне процедуры, энергично показывая жестами толкательные действия медперсонала. – Засунут маленько, потом фить – надуют, посмотрят-посмотрят твоя состояния и дальше вот так, вот так пихай, опять фить – надуют... До самого горла пихают-надувают...

Перед началом процедуры доктор Морозкин с улыбочкой сказал Павлу:

– Готовьтесь, сейчас будем делать приятную операцию.

– Если кто и получает от неё кайф, мазохисты разве, – невесело пошутил пациент.

– Почему, – многообещающе произнёс Морозкин, – тоже получите.

– Кайф ладно, побочного эффекта не получить бы, – Павел прочитал в интернете, случаются прободения кишечника при колоноскопии. Вероятность невысокая, меньше процента, но есть. – А то выйдет, – добавил он, – одно лечим – два калечим.

– Что главное в танке? – спросил Морозкин тоном, каким задают вопросы несмышлёным детишкам. – Правильно, главное в танке штаны сухие! Не беспокойтесь – у меня побочных эффектов-дефектов не бывает... Так что расслабьтесь и получайте удовольствие. Знаете песню: «Не страшны в саду даже шорохи!» Так что всё будет тики-тики.

В коридоре опять празднично зацокали каблочки женских туфель.

– Морозкину, как настоящему мужчине, всем курочкам подарки поднести надо, – изрёк долговязый Игорь, – а их вон целый птичник!

– Он на стол деньги давал, – пояснил всезнающий Коля-якут, – и мимоза приносил полный пакет, каждой по ветке.

– Слушай, якутский разведчик, – спросил Игорь, – скажи-ка нам, что сам даришь жене-красавице в Женский день?

Подвижный Коля будто ждал этого вопроса. Подскочил с кровати, на которую минуту назад сел, и заговорил быстро:

– Я третий класс дурака был совсем, маме дарил одеколон «Шипр». Думал, папа «Тройной» мажется, а «Шипр» – зелёный, бутылочка красивый, женский будет. Папе «Тройной» на День Советской Армии, маме – «Шипр» на Женский день. Дурака малолетний, что с него брать ума.

– Мать не погнала метлой с таким подарком?

– Не, мама хороший. Обрадовалась. Спасибо сказал. Ошибка я потом узнал.

– А жене красавице что даришь? – повторил вопрос Игорь.

– Жена всегда цветы вручай, дочка – тряпки, но это жена покупай, а ей цветы любит, – сказал Коля.

Сказал и заулыбался чему-то своему. Надо понимать, мыслями перенёсся домой в Якутию, к жене, дочерям...

– А ты что жёнам дарил? – обратился Игорь к казаху Булату.

Тот лежал на кровати, уставившись в потолок. Из одежды его костистое тело прикрывали одни трусы. Не сказать, что в больнице было жарко, но Булат мог вообще без всего пребывать на площадях своей палаты. «Кожа должна дышать, – говорил, – здесь воздух вкусный. Это не у нас на Арале».

– Деньги давал, – коротко ответил Булат, всё также глядя в потолок. – Ни одна не отказывалась – ни Айгуль, ни Гульнара, ни Алина. Я и сейчас всем – развод, не развод – даю. Жалко что ли!

– А Розу поздравил? – спросил Игорь.

– Он шоколадка всей женский палата дарил! – ответил Коля.

– Тебя Коля убивать пора, – сел на кровать Булат. – Много чего знаешь!

– Роза симпатичный женщин, – мечтательно сказал Коля. – Ничего против не сказать!

– А ты, Сараев? – Игорь повернулся к хмурому Сараеву, тот сидел на кровати в клетчатой рубашке, спортивных брюках. В отличие от Булата, он постоянно жаловался на холод в палате.

– Я бы ещё время тратил на магазины, она торгаш всю жизнь! Как семнадцатилетней ссыкухой пошла учеником продавца, так до сих пор из-за прилавка не вылезает. Перед праздником доложит: «Я себе от тебя на 8 Марта платье ку-

пила! Ты, надеюсь, не возражаешь против платья?» Да хоть фуфайку мне-то что! Но у неё семь пятниц на неделе, через пару дней подарочное платье превращается в туфли. «Платье от тебя, – скажет, – не мой фасон. Поменяла на туфли от тебя». Да хоть сапоги кирзовые возьми от меня с фуфайкой вместе. Что платьев этих, что туфель полные шкафы вечно набивала. Одно продаёт, другое покупает. Ум-то бабий, а в заднице шило деньги тратить покоя не даёт.

– Ты, Сараев, не романтичный, – сказал Игорь. – Женщина – украшение жизни!

– А ты своему украшению чё дарил? – с вызовом бросил Сараев.

– Я-то? Тебе Сараев не понять. Когда узнал, что заболел, как раз перед её днём рождения врач окончательный диагноз вlepил, достал заначку, на новую лодку копил, и купил Таньке норковую шубу. Давно мечтала. Без неё выбирал, принёс: «На!» Она в слёзы: «Зачем, сейчас деньги как никогда нужны!» А я: «Помни мою доброту!»

– Ну и дурак, – сказал Сараев. – Дурак и уши холодные! Ты загибаешься, она в новой шубе задницей перед другими мужиками крутит!

– Я же говорил, не поймёшь!

Павел на 8 Марта, дни рождения тоже не бегал по магазинам. Давал деньги жене, та искала подарки себе, дочерям и маме Павла. Правда, за цветами ходил сам. Однажды попытался возложить на жену, категорически отказалась: «Ты,

дорогой, совсем обнаглел. Букеты буду себе покупать!»

– А я на ружьё коплю! – сказал Коля-якут, после признания Игоря о покупке шубы вместо лодки. – Ружьё хороший хочу. Охота утки ой как люблю!

– Какое тебе теперь ружьё? – скорчил гримасу Сараев, направляясь из палаты в коридор. – Дураки вы малахольные! Ружьё ему. Нам теперь в лучшем случае кефир, клистир и тёплый сортир до конца жизни, которой осталось на одну пердинку, а в худшем – ящик с кружевами.

– Не клистир, а колоноскопию! – уточнил неунывающий Игорь.

Страдания по Павлу

Экспонат от деда

В прошлом году мать рассказала Павлу семейную историю. Когда она училась в мединституте, в анатомическом музее демонстрировали студентам поликистозные почки. Живого места не было у органа, так постаралась болезнь. Впечатлительная студентка запомнила жуткую картинку, пособием для будущих врачей за стеклом банки хранящуюся. Через несколько лет выяснилось: жуткие почки были не чьи-нибудь – свёкра.

– Узнай вовремя, ни за что не вышла бы за твоего отца, – призналась сыну. – На мученья тебя обрекла...

Дед умер в сорок пять лет, отец в сорок четыре, дядя по отцу в сорок восемь, двоюродный брат до сорока не дотянул. Все с одним диагнозом, тем самым, которым был подписан экспонат в музее. Павел разменял пятьдесят. До сорока трёх не чувствовал болезни. Потом началось. Пятый год на инвалидности, выпросил рабочую группу. Постоянно беспокоило давление и почти по графику, где-то на третий-четвёртый месяц делалось невмоготу, уходил на больничный. И рос показатель креатинина. В организме накапливались азотистые шлаки и другая гадость... Третий год предлагали гемодиализ

– отказывался.

Креатинин вышел на отметку 700. У здорового человека он до 130...

В отделение трансплантации почек Павел попал по блату – мать подключила медицинские связи. Перед этим скрутило, думал, конец пришёл. Боль пронзала, будто раскалённую кочергу всаживали внутрь и проворачивали...

Когда отпустило, иронизировал: теперь точно знает – любые пытки выдержит. Враг не дождётся от него секретов. Жаль, таковых нет в его голове.

Перед матерью и женой было стыдно. На пике боли понёс: вы меня не любите, я вам камень на шее, ждёте не дождётесь, когда вперёд ногами вынесете. Родные пытались вразумить болящего: надо немедленно в больницу. Он в ответ на заботу зло бросал упрёки: у вас одно на уме – сбагрить на кладбище... Много нехорошего наговорил...

Страдания по Коле-якуту

Олени, мотоцикл, лыжи

Колю-якута Павел, впервые войдя в палату, принял за китайца. Представителей Поднебесной полно стало в городе. Племянница у Павла учительница, у неё в третьем классе пять китайцев. Стекаются потомки изобретателей пороха и фарфора в Россию по шёлковому пути и менее заметным тропкам. Из своего детства Павел только одного китайца живьём помнил. Ездил в гости к тёте в маленький город Ачинск, что в Красноярском крае. Тётя жила в районе, который именовался в народе Стройкой, там обретался дедок китайского рода-племени. Узкие глаза на тёмном круглом лице, седые волосы. Летом ходил в стареньком зелёном пиджаке, зимой в фуфайке и цигейковой шапке с опущенными ушами, больших серых с калошами валенках. С ним Павел сталкивался в бане, на улице. Как забросила судьба китайца в Сибирь, неизвестно, по-русски говорил с акцентом. В бане в моечном отделении садился в углу, мылся долго и неторопливо. После кровавого пограничного конфликта с Китаем на заснеженном острове Даманский исчез из города.

Сейчас китайцев пруд пруди по всей России. Через это Колю-якута Павел принял за представителя Поднебесной.

Лицо у Коли под стать китайскому по округлости... Зато жена, Коля показывал фото палате, красавица. Настоящая красавица. Если у Коли глазки щелевидного разреза, у неё – огромные, умные, брови крутыми дугами, ресницы чёрными раструбами, носик аккуратный, лоб высокий, одухотворённый... У Коли прямо скажем – скромных размеров лоб... И весь портрет плоский, как скалкой ровняли...

Долговязый Игорь из Абакана, смотрел-смотрел на фотографию Колиной жены и бросил:

– Коля, ну ты на себя и на неё посмотри! Тебя убить мало, такую красоту обезьяньими генами портишь.

Тут Игорь не совсем прав. У Коли четверо детей. Младшие – дочь и сын – походили красотой на папашу. Старшие дочери в мать удались. Что одна, что другая рядом с Колей не стояли.

Игорь частенько доставал Колю по утрам:

– Звонил своим? Как там олени?

На что Коля всякий раз заводился с пол-оборота:

– Мы олени не водимся! Коровы, лошади...

С русским языком Коля плохо дружил.

– Я вас половину понять не разбираю, – мог бросить в раздражении и уйти из палаты.

Павел не исключал возможности – в один момент Коля и Игорь сцепятся в рукопашной по вопросу оленеводства. Кровь у Коли, несмотря на некачественную работу почек, воспалялась на раз.

В якутской жизни работал по спортивной части. В прошлом мастер спорта по лыжам, набегавшись, стал тренером, и не рядовым – на всю Республику Саха именитым. Среди его воспитанников чемпионы России, призёр чемпионата Европы.

По виду Коля отнюдь не атлет. Невысокий. Но ярости не на одного мастера спорта.

– Осень оглобли в зима поворачивай, – рассказывал о своих экстремальных приключениях, – у берега лёд стекло тонкий, я думай – переплыву. Студент совсем-совсем молодой, голова дурной – бух в воду. Метра сто пятьдесят речка. Ногу судорга сжала. Я ей умоляй: потерпи, хороший, потерпи! Потом баня парю, массаж дам, мазь толстый слой...

Коля любил уговаривать. Одушевлённое, неодушевлённое – не важно... На соревнованиях лыжи для скорости, мотоцикл при поломке...

– Мороз на край градусник, мне, дурака такой, маме с папой ехать горит. Сто двадцать пять километра в один конца. Мотоцикл старичок – «Урал». Жена кричит: «Труп лягу на порога, не пуцу, на ночь смотря...» Я жена в сторону пихаю! Буду я баба совет слушаться.

Рассказывая, Коля-якут ходил ходуном, дорисовывая повествование руками, ногами и всем телом. Жестов было не меньше, чем словесного содержания. Когда речь шла о лыжных гонках, «отталкивался» палками, а повествуя о приключениях-злокключениях с мотоциклом, отчаянно рулил, на-

клонял тело на поворотах.

– Тулуп надеваю. Морда мороз выдерживает, мотоцикл чихать, кашлять посреди пути. «Отвези на последний раз, – прошу, – пенсия после получать будешь. В гараж на покой ставлю, отдыхай себе, километра ехать не надо». Мотоцикла ни с места. Ночь со звездой тёмная, дураки, как я, нет – пусто-пусто на дорога. Иду пешком, замерзай, силов нет, «ЗИЛ-130» на мой дурака счастье догнал...

Страдания по Павлу

Молитва матери

Как тяжело умирал дед по отцу – Павел слышал от бабушки, страдания отца видел своими глазами. По-детски глупыми. Однажды заскочил в комнату к нему и ляпнул:

– Когда ты уже умрёшь?

Последний месяц отец нормально питаться не мог. Клизмой мать кормила-поила. Физраствор, сливочки... Однажды вышла на кухню, где сидели Павлик и бабушка, и заплакала:

– Боже, как тяжело, как больно...

Вот тогда он побежал к отцу с возгласом «когда ты умрёшь?»

Мать с детства внушала Павлу: раньше или позже, обязательно заболит. Медик по жизни, умоляла беречься. Не поднимать тяжести, не охлаждаться, не пить, не курить, режим дня: лечь вовремя, встать по графику. Не жизнь, а «человек в футляре». Если уж Христос не был пророком в своём отечестве, будет ли мама родная? Павел делал с точностью до наоборот. Нельзя на солнце жариться? Отлично! Самым любимым видом летнего отдыха стало загорание. И дома, и на юге у моря, куда старался поехать каждый год во времена досемейной молодости. Нагрузки не рекомендуются? Бегал,

плавал, с гантелями занимался. Не курить? В десятом классе серьёзно взялся. С наскока – сигарета, спички, чирк и задымил на всю оставшуюся жизнь – не получилось. Тошнило беднягу, выворачивало. Юный организм противился ядовитому воздействию. Не хотел травиться сигаретами. Настоячивый хозяин заставил. И курил пятнадцать лет.

Наперекор наставлениям матери поступал. Но ведь проявилась болезнь позже, чем у деда и отца...

Мать в последние годы много рассказывала о прошлом. Заболел он в два года, да так, что ничего сделать не могла. Температура зашкаливает, чем только сбить ни пыталась – держится. Сорок и сорок, как прилипла ртуть.

Сама терапевт, мать знакомых педиатров подняла. Врачи без предисловий и околичностей ставят диагноз: особо не надейтесь, не жилец. И в больницу направляют.

Нет, наотрез заявила мать, не отдам.

Она уже не девочка, тридцать лет, ребёнок поздний, больше рожать нельзя. Все средства использовала, не помогают. В отчаянии среди ночи начала молиться. Вспомнила, повторяла, слышанное в детстве: «Отче наш, иже еси на небесех...» И своими словами: «Не дай, Господь Вседержитель, умереть Павлику! Это самое дорогое у меня. Спаси его, Милосердный, спаси, Всемиловитый...»

Стоя на коленях, со слезами просила...

Вся в молитву ушла и вдруг бросила взгляд на кровать, видит – затих сын. Метнулась к нему в панике: умер! Нет,

дышит. Положила руку на лобик – мокрый, холодный. Спала температура.

Успокоилась, и вернулась в атеистическое состояние с трезвым объяснением происшедшего: просто-напросто совпадение – на самом деле никаких чудес в решетке. Кризис пошёл на убыль как раз в момент, когда у неё произошло помутнение сознания и за молитву, как за соломинку, ухватилась ... Какая только дикость, думала, стыдясь своей слабости, не придёт в голову от бессонницы и страха. Расскажи кому – не поверят: доктор брякнулся на колени, молясь за здоровье.

Павел лет в десять спрашивал её:

– Мама, а Бог есть?

Она туманно объяснила:

– Бог, сынок, это вся вселенная.

Павел получил историческое образование. Дотошный, со временем пришёл к выводу: верь не верь в атеизм, многое говорит о существовании регулирующей силы. Ни одна теория до конца не объясняет развитие человечества. Тогда как библейские сюжеты повторяются в истории многократно. Вавилонская башня сколько раз возводилась на земле. На его глазах в Советском Союзе. До неба доростили ракетами башню. Казалось, рывок – и готово строение под названием коммунизм. Самое совершенное человеческое общество, которое ничем не сдвинешь – ракеты и спутники охраняют.

Хватило лёгкого толчка – и посыпалось костяшками до-

мино.

Вавилонские башни, со злом, безбожием в основании, разрушаются снова и снова... Остальное – экономический упадок, разложение нравов – следствие от главного, приложение к нему, а не наоборот...

Павел вчитывался в Священное Писание и убеждался: библейские сюжеты не мифы, не сказки, даны раз и навсегда, ни один не абстрактный. Вихляющий человеческий ум разве способен создать такую Книгу. Значит, некая сила вдохновляла её написание, стремясь научить человека не наступать на грабли...

Страдания по Булату

Под фюрера

– Булат стригся, Гитлер похож стал! – вбежал в палату Коля-якут.

Следом вошёл Булат.

– Точно вылитый фюрер! – захохотал Игорь.

– Ага! – посмотрел на себя в зеркало Булат. – Ещё бы усики и хай Гитлер! Удружила Роза.

Острое лицо Булата с косой чёлкой приобрело хищное выражение.

Но рост у него не гитлеровский – добрых сто восемьдесят сантиметров. Тогда как тянула вся эта высота килограммов семьдесят. Так называемый сухой вес, создаваемый гемодиализом.

Такая же история была с долговязым Игорем, который ростом ещё выше Булата. Как сам рассказывал, доктор-юморист Морозкин перед гемодиализом пообещал сделать из него мумию Тутанхамона. Дескать, будешь стройнее кипариса. И сдержал обещание. Жена Игоря приехала из Абакана и в слёзы, как увидела супруга. Более ста килограммов весил муж, когда сдавала его в больницу – вёдра воды в себе носил из-за отказавших почек, а тут мумия ходячая вышла к ней.

– Спрашиваю у Морозкина, – иронизировал над собой Игорь, – когда в пирамиду Тутанхамона направление выпишете? А он хохочет: «Не торопись, в фараоны всегда успеешь!»

Булат – казах по происхождению и остальным признакам. Павел, впервые войдя в палату, его тоже, вкупе с Колей-якутом записал в китайцы. Оба оказались тюркских корней. Но если Коля – огонь, ртуть и ураган, Булат отличался восточной степенностью, был скуп в словах и жестах.

Тем не менее жизнь его протекала бурно, только жён в послужном списке три. Да не гарем, пусть и мусульманин – менял время от времени, оставляя на память каждой по двое детей. Причём, содержал всех. До болезни строительную фирму имел в собственном распоряжении, с экскаватором, автокраном, грузовыми автомобилями.

– И чё? – спрашивал долговязый Игорь. – Какая жена лучше?

– А-а, – делился жизненным опытом Булат, – чем дальше, тем хуже.

– Спросил бы меня, – вклинился в разговор о женской сути Сараев, – что одну бабу возьми, что через дорогу, тот же хрен, только в профиль. Все одним миром мазаны, на одну колодку сбиты.

– Плохо ты их сёк! – сказал Игорь.

– Не, – возразил Булат, – камча у меня всегда на стене на видном месте. Каждую вдоль спины воспитывал. Как без

этого.

– Баб только могила исправит! – бросил из своего угла Сараев. – Другого правила на них не придумано!

– И красится, и красится, – осуждал последнюю подругу жизни Булат, – как только дырку в зеркале не просмотрит! Что там можно часами краситься. Зачем я на ней, дурак, женился? Вторая лучше была... Операцию сделают и поменяю...

– На Розу махни! – предложил Игорь.

Казашка Роза лежала в 3-й палате, москвичка. В столице пересадку почек в последнее время не делали, там врачей по судам таскали, подозревая в донорском криминале. Роза подалась в провинцию. При Павле подарила Булату свитер собственноручной вязки. Цвета бордо. Шикарный. Булат надел под него нарядную чёрную рубашку, в парадные брюки нарядился и пошёл в женскую палату телевизор смотреть.

Под Гитлера не кто иной, как Роза, сделала Булату причёску.

Но Павлу казалось Булат повышенных чувств к Розе не питал. В больнице рассказывали: в некоторых городах есть клубы гемодиализников, в их среде даже браки случаются.

– Нужен он Розе! – сказал Сараев. – Она в Москве здорового мужика найдёт. Бабы живучие, что кошки, у них и операция лучше проходит. Мне в один день с бабой делали. От одного донора почки. Так она на третий день встать начала, а я пластом пять дней лежал.

К женскому медперсоналу Булат относился без почтения и учёта их принадлежности к прекрасному полу. Привезут его на каталке, помогут на кровать перебраться, полежит-полежит, очухается и тут же трусы снимает. Жарко. Скинет последнюю одежонку и преспокойненько дефилирует по палате в первозданном виде. Молодые медсестры по лечебным нуждам зайдут, заойкают, брызнут за дверь: безобразие! Будем жаловаться! Булат даже рукой интим не прикроет.

– Мужика что ли не видели? – скажет на ойканье. – Ну, а видели, нечего пялиться на чужое.

На угрозы медичек пожаловаться главврачу – Булату было ровным счётом наплевать.

Страдания по Павлу

Нетрадиционное лечение

Не сразу Павел решился обратиться Ивану Михайловичу. О нём мы ниже обязательно расскажем подробнее. Когда болезнь стала прогрессировать, Павел решился. С полгода до этого не общались.

– Ждал твоего звонка, – сказал Иван Михайлович. – Слышал про твою болезнь. Конечно, с Божьей помощью можно вылечиться. Сам понимаешь, это не таблетки глотать. Выпил и жди у телевизора резких улучшений. И не магия, поделал над тобой какой колдун пассы, дунул-плюнул и садись к тому же телевизору, руки сложивши.

– Я буду молиться за тебя, просить, – пояснял Иван Михайлович, – ты должен в соработничестве быть. И верить – сила Господа Бога всемогуща. Но, как говорят святые отцы: Бог не может спасти нас без нас. Начинать надо с того, что в первое время каждый день ходить в церковь на литургию, каяться, причащаться, поститься, просить прощения за содеянные грехи. И молиться. Не только за себя – горячо молиться за родных и близких, за нашу православную Россию. А Бог всё может. И почки тебе новые дать. Он Лазаря четырёхдневного воскресил. Умершую отроковицу, дочь Иаи-

ра поднял со смертного одра. А единственного сына у матери, вдовы из Наина, помнишь, его несли на кладбище, а тут Иисус Христос с учениками, подошёл и сказал юноше: встань! Ты лучше меня всё это знаешь, осталось только поверить всем сердцем!

Павел попросил жену объехал двенадцать церквей, заказал сорокоусты «о здравии». Себе и Ивану Михайловичу.

– Мне Божья помощь тоже нужна, – говорил он, – сил потребуется много. Заказывай сорокоусты и на меня.

Павел взял у священника благословение причащаться каждый день. И дал обет Господу: не впадать в грех осуждения близких, не винить их в своих болях. С обострением болезни становился домашним диктатором, родным доставалось...

С высоким давлением, слабостью в ногах, болью в коленях ходил Павел в церковь... Иван Михайлович тоже ходил, был рядом, пояснял, поучал:

– Церковь – лучшее место, где мы, грешники, можем общаться с Господом.

Каждый вечер Павел готовился к причастию, читал перед сном молитвы, каноны, составлял список грехов, рано утром шёл с ним на исповедь, выстаивал службу, причащался... Вечером снова в церковь... Подвиг не из лёгких. Без отрыва от производства не совершишь. Взял отпуск... Иван Михайлович наказал каждый день выпивать по литру святой воды. На ночь надевать какую-нибудь лёгкую шапочку, чтобы подкла-

дывать под неё запаянную в полиэтилен гибкую иконку Божьей Матери. Павел коротко постригся, подкладывал иконку Богородицы «Иверская».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.